

о бы то ни было, и обращение к пуш-
 кскому «Памятнику», пусть подсозна-
 ное, могло быть не случайным.
 Исключительное достоинство книги —
 то, что в ней широко привлечены не-
 анные архивные материалы. Хлеб-
 ков издам не полностью, а что издано,
 очень далеко от текстологического
 ершенства; поэтому поправки, вноси-
 е В. П. Григорьевым в текст (вплоть
 угловых скобок вокруг знаков пре-
 зания), важны не только для этого
 ледования, но и для понимания Хлеб-
 кова в целом; а щедрые публикации
 изданных записей Хлебникова (обычно
 ких, но иногда и по полстраницы —
 , например, замечательное рассужде-
 о «приказе» и «вдохновении» на
 195) проясняют многое известное и при-
 ывают неизвестное в его взглядах и
 лемах. Это — напоминание (автор
 ывает к нему не раз) о том, как
 зненно важно предпринять новое
 зание собрания сочинений Хлебникова.
 же если бы в книге не было ничего
 оме этих архивных публикаций, она
 е от этого была бы ценным вкладом в
 елимироведение». Здесь же они про-
 мментированы и включены в стройную
 стему реконструкции поэтического
 знания Хлебникова.
 Не менее важное достоинство — биб-
 ографический аппарат книги. Прило-
 жный библиографический список близок
 тому, чтобы называться «все о Хлеб-
 кове»; до сих пор в наших изданиях
 чего подобного не появлялось. Для
 лодых исследователей это очень важно:
 м автор мимоходом отмечает, как па-
 бно сказывается на существующих
 ботах о Хлебникове недостаточное зна-
 мство с историей вопроса. При этом
 а не остается праздным приложением
 книге: ссылки на нее щебетливо при-
 ствуют на каждой странице. По боль-
 ей части это ссылки полемические —
 о вполне понятно, потому что по-
 являющее большинство упоминаний

о Хлебникове в литературоведении и
 (особенно) критике представляет собой
 набор суждений, достаточно далеких от
 научности. Поэтому работа В. П. Гри-
 горьева от начала до конца звучит засту-
 пнической, апологетической интонацией
 (особенно, конечно, во вступительном раз-
 деле, разросшемся почти на треть книги) —
 и это, пожалуй, подчас даже вредит кни-
 ге. Значительность творчества Хлебнико-
 ва в русской, славянской, европейской
 поэзии XX в. — факт и без того очевид-
 ный; такие исследования, как книга
 В. П. Григорьева, лучше всего посодей-
 ствуют осознанию этой значительности.

«Предлагаемое читателю описание —
 это все же пока, скорее всего, своего рода
 „введение“ в грамматику идиостиля, а
 не сама грамматика как таковая, пре-
 тендующая на определенную полноту», —
 оговаривается автор в предисловии (с. 6).
 Это, действительно, так: здесь расчищено
 пространство работы, отточены методоло-
 гический инструментарий, намечены очер-
 тания исследуемого явления, сделаны
 промеры основных общих проблем, пока-
 зан образец монографического анализа
 отдельного стихотворения, перечислено
 немало конкретных тем, напрашиваю-
 щихся для специального исследования
 (в том числе — большой список «ключе-
 вых слов-образов», требующих каждое
 отдельного рассмотрения по всей массе
 хлебниковских контекстов: *время, слово,*
число, судьба, воля, люди..., лад, мир,
война, небо, звезда, море..., город, конь,
дерево, игра... — см. с. 197), — и на этом
 объеме книги заставил автора остано-
 виться. Все интонации исследователя — неза-
 вершенные; это заставляет ожидать про-
 должения исследований. В 1985 г. ис-
 полняется 100 лет со дня рождения Ве-
 лимира Хлебникова. Создание «Грамма-
 тики идиостиля» этого писателя по про-
 грамме, развернутой в книге В. П. Гри-
 горьева, — дело, достойное советской на-
 уки.

Гаспаров М. Л.

Cantor M. Medieval Slavic Lives of Saints and Princes.— Ann Arbor, 1983. 304 p.

Рецензируемая книга содержит в себе
 амятники того литературного жанра,
 оторый ее составитель проф. Мичиган-
 кого ун-та (США) М. Кантор назвал
 олусветской биографией (semi-secular bi-
 graphy).

Полусветская (перевести можно и ина-
 з: полумирская) биография, по мнению
 автора, отличается от канонического
 ижеописания святого большим внима-
 нием к живой личности человека, к его
 еальным поступкам и относительно игно-
 рированием чудотворчества, морали-
 заторства и других общих мест, диктуе-
 ых агиографией. «Произведение может
 итаться частично светским, если в нем
 телан, пусть и небольшой, акцент на
 ирских достижениях героя» (с. 2). Не
 орывая с житийным жанром, полусвет-

ская биография тем не менее является
 значительно более надежным историче-
 ским источником, чем трафаретное жи-
 тие.

Опираясь на разыскания своих пред-
 шественников (в частности, византиниста
 П. Александера), М. Кантор усматри-
 вает истоки полусветской биографии в
 жизнеописаниях Карла Великого, напи-
 санном Эгинхардом (Эйнхардом) (запад-
 ная традиция) и Василия I Македоняни-
 на, составленном Константином Багряно-
 родным (восточная традиция). Что каса-
 ется славянской средневековой литерату-
 ры, то, по справедливому замечанию со-
 ставителя, в ней «с самого ее зарождения
 утвердилась мирская тенденция в созда-
 нии биографий» (с. 2).

Среди древних славянских письменных

источников к числу полусветских биографий относятся тексты, вошедшие в рассматриваемую книгу. Прежде всего это пространные жития Кирилла и Мефодия; затем Житие Вячеслава, князя чешского; далее сказание о русских князьях-страстотерпцах Борисе и Глебе; наконец, Житие Стефана (Симеона) Немани, великого жупана (князя) сербского.

Однако при определении состава своего издания М. Кантор руководствовался не только соображениями единства жанра. Его привлекла к себе внутренняя цельность всего круга источников, заключающаяся в непрерывности кирилло-мефодиевской традиции. На самом деле просветительская деятельность Кирилла и Мефодия имеет общеславянское значение, а их жития служили образцами для подражания во всем славянском мире. Вячеслав, Борис и Глеб, Стефан — это первые святые трех основных славянских регионов (западного, восточного и южного), и с их житиями, собственно, и начинаются соответствующие региональные литературы. Княжеские жития были созданы под прямым воздействием житий первоучителей, поэтому территориальное и государственное разделение славянства одновременно сопровождалось хранением объединяющего наследства.

Итак, в преддверии последнего в нашем веке кирилло-мефодиевского юбилея — по решению ЮНЕСКО, 19 апреля 1985 г. мировой общественностью широко отмечается 1100-летие со дня кончины Мефодия — научная литература по истории возникновения славянской письменности обогатилась еще одним изданием житий великих солунских братьев. На проблематике публикации и перевода этих двух житий мы и сосредоточимся в своей небольшой рецензии. Рассматривается исключительно лингвистический аспект указанной проблематики.

Техника издания такова. На левой (четной) странице книжного разворота помещено фотомеханическое воспроизведение рукописи, легкой в основу перевода житий на английский язык. Сам перевод занимает правую (нечетную) страницу. Что касается Жития Кирилла (в дальнейшем сокращенно: ЖК), то оно издается на базе хорошо известной рукописи Владислава Грамматика 1469 года. Житие Мефодия (ЖМ) публикуется по знаменитому Успенскому сборнику XII в. [1]. Таким образом, в выборе источников М. Кантор присоединился к прочно сложившейся практике, продолжая, в частности, линию О. М. Бодянского и П. А. Лаврова, а также современных ученых (например, Б. Ангелова и Х. Кодова [2]).

Фотомеханическое воспроизведение рукописей выполнено высококачественно, так что славянские тексты в целом нетрудно читать. К сожалению, правда, рукопись и перевод не полностью согласованы между собой на левой и правой страницах разворота (перевод обычно на несколько строк опережает рукописный источник), а это создает неудобства при последовательном сопоставлении.

Текст переводов ЖК и ЖМ обычным порядком разделен на главы, на полях

систематически указываются прямые ветхо- и новозаветные цитаты. В обширном научном аппарате (к каждому из житий сделано примерно по 100 примечаний) приведены самые разнообразные комментарии: здесь раскрываются библейские и святоотеческие аллюзии, воспроизводятся и оцениваются суждения исследователей по интерпретации того или иного чтения, даются историко-филологические разъяснения (особенно типа «кто есть кто» и «что есть что»), иногда обосновываются переводческие решения и т. д. Иными словами, перед нами добротное издание источников, вполне входящее в ряд аналогичных.

Элемент новизны придает книге в первую очередь английский перевод, выполненный М. Кантором. Рассмотреть его чрезвычайно интересно, потому что перевод с древнего, уже умолкнувшего языка на современный («эпохи НТР»), да еще сложившийся в культурно-исторических условиях католичества и протестантизма, а не православия, неизбежно сопряжен со значительными смысловыми трудностями. Кроме того, любой перевод — это истолкование, интерпретация источника, придание ему иных акцентов и нюансов, так что всегда возникает сложный вопрос правомерности определенного, особенно конкретизирующего, решения переводчика, и он обостряется применительно к древнему источнику. Ведь чтения источника иногда для нашего современного сознания просто представляются темными: или из-за невозможности расшифровать их (в силу недостаточной изученности), или по причине порчи текста за время многовекового бытования, или же, наконец, поскольку они с самого начала намеренно формулировались с известной степенью темноты. (У средневековых авторитетов — например, Августина Блаженного и Григория Богослова — имеются вполне отчетливые высказывания в пользу «некоторой темноты слова» в богословском изложении.)

Основные принципы своей переводческой деятельности М. Кантор излагает на с. 20: «Прежде всего я заботился об адекватности и стремился насколько возможно точно переводить все написанное в текстах, независимо от того, насколько соответствующие чтения темны и/или эллиптичны». Это заявление можно понимать двояко. Если имеется в виду, что «темнота» исходного текста сохраняется и в переводе, — это одно. Если же исходный текст «проясняется» в переводе, — это совсем другое. «Вторая задача, — пишет далее автор, — заключалась в передаче сущности оригиналов путем воспроизведения их тона и настроения, насколько это возможно в современной английской прозе и по законам синтаксиса без слишком большой архаизации». Чтобы добиться стилистического подобия перевода оригиналу, М. Кантор прибег к интересному замещающему приему: все библейские аллюзии и цитаты он дает по Библии короля Якова (the King James Version of the Bible), созданной в самом начале XVII в. и сохраняющей и в современных изданиях весьма архаичный английский

язык. Подытоживая представление своих переводческих принципов, М. Кантор заключает: «Решения, предлагаемые на нижеследующих страницах, принадлежат мне, и я беру на себя полную ответственность за них».

Надо сказать вполне определенно и в самом начале, что М. Кантор полностью провел в жизнь свои установки, и его перевод, являясь достаточно точным и и почти буквальным, в то же время не производил впечатления искусственности или неестественности. Напротив, он легко и «без запинки» читается, и при этом вполне возникает почти физическое ощущение словесного орнамента («плетения словес»), столь характерного для житий византийского культурного круга. Ср. для примера первую фразу ЖК: Бгъ млстивый и щедрый, ожидаеи покаание члчско, да быше вси спасени были и въ разумъ истинныи пришли, — не хощеть бо смърти грѣшнику, нъ покаанию и животоу, аще и наипаче прилежити на злобу, — нъ не оставляет члчя рода отпаста ослаблениемъ и въ съблзнь неприязньнню приити и погыбноути, нъ на кождо лѣто и врѣмена не прѣстаеи блгдѣ творе намъ много, какоже испрѣва, даже и до ннѣ, патриархы же прѣвѣе и оцы, и по тѣхъ прроцы, и по сихъ аислы и мчныи и праведнымии моужии и оучители, избираеи ихъ отъ многометекнаго житиа сего¹; Merciful and compassionate is God, who awaits the repentance of Man and will have all to be saved, and to come unto the knowledge of the truth, for He wishes the sinner not death but repentance and life even if he be given to malice. Neither does He allow mankind to fall away through weakness or be led into temptation by the Adversary and perish. Rather, in each age and epoch He has not ceased to grant us His abundant grace, even now just as it was in the beginning: at first through the Patriarchs and Fathers, and after them through the Prophets, then through the Apostles and Martyrs, and righteous men and teachers whom He chooses from amidst the tumult of this life.

Приведенный пример типичен, и остается только порадоваться за англоязычного читателя, получившего совершенный перевод, сочетающий точность с удобочитаемостью и выразительностью. В некоторых отдельных случаях адекватность перевода, к счастью, как правило, лишь в нюансах, можно подвергнуть сомнению. Так, в приведенном выше тексте отрезок — въ разумъ истинныи пришли — М. Кантор переводит как *come unto knowledge of the truth*, т. е. «пришли к знанию истинны». Между тем *разумъ* — это не простое з н а н и е (хранение в памяти сведений), а скорее п о н и м а н и е чего либо. Есть существенная разница между знанием и познанием: в первом случае

достаточно нечто механически затвердить, в то время как во втором требуется самостоятельное творческое усилие, при внесение собственного смысла, без чего не доберешься до сути познаваемого. Что в данном случае имеется в виду именно осознание, а не запоминание истины, процесс, а не состояние, видно из греческого источника, к которому восходит славянский текст. Рассматриваемый отрезок представляет собой цитату из I Тим. 2,4: εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν. Ἐπίγνωσις — по новозаветному словарю В. Бауэра [3] это *Erkenntnis* «познание». В свете изложенного представляется, что на месте *knowledge* лучше было бы употребить *understanding*. Точно такую же замечу, по нашему мнению, следовало бы произвести в переводе знаменитого определения Константином Философом философии как понятия: бжнимъ и члчьскимъ вѣщемъ разумъ.

Иногда отмечаются неточности в переводах слов тематической группы, называемой понятием из сферы письменности (*бесѣда, боукъви, кѣнигы, писмена*). Так, в ЖК, 8 фраза — наоучисе тоу жидовскоу бесѣде и книгамъ — содержит в себе противопоставление устной речи письменной, а в переводе оно потеряно: *he learned the Hebrew language and scriptures* («он изучил европейский язык и писания»). Б. Н. Флоря, переводчик житий славянских первоучителей на русский язык [4], дает более точный вариант: «научился здесь еврейской речи и письму».

Далее, едва ли правильно во фразе: въ стѣи мнишескыи образъ облѣчесе (ЖК, 18) давать слову *образъ* сугубо житейскую, внешнюю конкретизацию: *he put on holy monastic dress* («надел монашескую одежду»). По контексту имеется в виду отнюдь не одежда, а *status monasticus*.

Хотя подобные разрозненные замечания могут умножаться, они не умаляют значения изданной книги, тем более что и они не лишены субъективизма. Если же вернуться к уже сделанной общей оценке труда М. Кантора, то англоязычные читатели (как исследователи, студенты-слависты, так и широкая публика) получили хорошую основу для познания сложения и развития первого литературного языка славян и древнеславянской литературы.

Верещагин Е. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский сборник XII—XIII вв. Под ред. Коткова С. И. М., 1971.
2. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий. Подгот. за печат Ангелов Б. С. и Родов Х. София, 1973.
3. Bauer W. Griechisch-deutsche Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments... Berlin — New York, 1971.
4. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

¹ Источник воспроизводится с упрощениями: надстрочные буквы внесены в строку, устранены дублетные буквы, опущена диакритика; титла же сохраняются.